

Другие берега

Сегодня 2 февраля на Троекуровском кладбище

журналисты простятся с Борисом Резником

Когда-то, очень давно, кажется, что уже тысячу лет назад, мы прилетели с ним на таежную речку Немту. Что на границе Нанайского и Лазовского районов Хабаровского края. Уже и не припомню, зачем нас туда доставила винтокрылая машина. Так мы тогда называли вертолеты в своих репортажах.

Может, нас познакомили с лесными, пока еще не до конца разворованными, богатствами... Сейчас такой выезд группы журналистов называют пресс-показом. Немта была знаменита тем, что здесь любил рыбачить Алексей Климентьевич Черный – легендарный первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС. Фартовая речка! А Черный, считалось, не просто критик, а личный гонитель Бориса Резника. Несколько раз за публикации острых материалов в «Известиях» Алексей Климентьевич порывался выгнать Бориса Львовича из партии. Блогеры и юзеры сегодня не знают, что значит лишиться партийного билета. И слава богу. Времена Черного прошли. На арене возникли другие партии. И явились другие нравы. Технологии не приходят в одиночку. Они меняют образ мыслей. И даже способ жизни. Журналистское сообщество поделилось на мультимедийных бойцов нового рынка и вечно обиженных. Тех, кому кто-то чего-то недодал. Они тешили свое самолюбие количеством лайков в фейсбуке и малотиражными книгами, в которых сводили счеты с обидчиками. А заодно и с прошлым. Правда, были и те, кто авторским письмом пытался отбиться от электронной щебенки.

20 мая 2014 года. Борис Резник во время пленарного заседания Госдумы Российской Федерации

Резник стал депутатом Государственной думы. И теперь мы с ним ловим рыбу. Резник, конечно, не рыбак. Спиннингом владеет слабо. Чтобы не было насмешек, он отходит на излучину плеса от коллег и начальников, уже дегустирующих на бережку таежную уху. И не только уху. Наконец блесна на его спиннинге срабатывает, он вытаскивает щучку, которую опытные рыбаки называют «карандашом». Восторг и радость на лице Бори! Щука бьется в неопытных руках и выскальзывает опять в реку. «Нет! Ты видел?! – кричит Резник. – Примерно с полметра была!» «Чего – видел?» – я делаю невинные глаза. Резник строжает: «Ну-ка не ври давай! Я только что поймал рыбу! Вот такую!» Руками показывает почти метр. Потом мы развели костерок и запекали в фольге пойманную чуть позже мальму. Форель такая, из рода гольцов. Пока не подошел тогдашний губернатор Хабаровского

края Виктор Иванович Ишаев и не позвал нас к общему столу: «Борис Львович! Нельзя отрываться от народа...» Мы оба уважили Виктора Ивановича. И от народа отрываться не стали.

Десятки совместных командировок, сотни событий и встреч. Резник с Сахаровым, Резник на трибуне съезда произносит свою знаменитую речь, Резник с Горбачевым, Резник получает японский орден Восходящего солнца... Почему так навязчиво всплывает в памяти та поездка на благодатную Немту? Он стоит на излучке с выражением детского счастья на лице и кричит: «Иди, иди сюда, Фома Неверующий! Второй раз попалась! Теперь уж не отвертится...» Леска спиннинга тонко поет в его руках. Ближе к берегу закипает бурун. Пойманная форель чертит плавником полукруг, выходя со стремнины на плес. В Немте прозрачная вода. Может быть, она – самая чистая и самая быстрая в мире. Во всяком случае, тогда нам обоим так казалось. И, похоже, мы оба были счастливы.

Избиратели Бориса Львовича Резника считали его коренным дальневосточником. Как обычно думают коренные? Только тот, кто знает, где выпадает самый белый в мире снег, где текут самые чистые реки и где живут самые честные девушки, может так самоотверженно биться за процветание родного края. Географическое название места – Дальний Восток. На самом деле, он – Дальний... Восторг! Борис приехал сюда из Москвы описывать трагические события на острове Даманском. И остался, по сути, на всю жизнь. В душной тени папоротников созревает таинственный женьшень. Горные ручьи заходятся, как якуты, в горловом пении. Опустись ладонь в струю – немеет от холода! Сохатый утром идет на водопой. И в его огромном и влажном глазу отражаются гольцы и дальние отроги, с вершин которых даже летом не сходят снежные шапки. Сказка. Резник любил край так, как его может любить только дальневосточник. На самом деле он родился во Ржеве, учился и вырос в столице. Обыкновенная Замоскворецкая шпана. По Пятницкой, через мостик, ходил в школу.

Начинал в столичных газетах еще школьником. Бегал с фотоаппаратом – любовь к ним на всю жизнь. Собирал рано утром, по единственному в коммунальной квартире телефону, информацию для «Вечерки». Новость: начали выпускать французские булочки. Став взрослее, ходил в пальто, перешитом из отцовской фронтальной шинели. Трудно перечислить все организации и конкретных людей, которым помог депутат Резник. Так же как и невозможно привести полный список материалов-расследований журналиста Резника. Газеты не хватит. Но вот деталь: Резник до последнего, не афишируя, помогал Ржевскому роддому. Тому самому, в котором он родился.

Черный ловил на Немте столько, сколько было душе угодно. Отменный рыбак, он и руководил отменно. Сделал для Хабаровского края очень много. Это уже исторический факт. Матерый человечище. Стиль руководства, понятно, диктаторский. В народе Черного считали дальневосточным царем. Резник опубликовал в «Известиях» статью «Логика нелогичных решений». Ставил под сомнение целесообразность строительства завода азотных удобрений под Комсомольском-на-Амуре. Писал прямо: отходы комбината убьют все живое в реке. Побагровевший от партийного гнева Алексей Климентьевич кричал на экстренном заседании бюро крайкома партии, собранного в день выхода статьи: «Резник! Иди садись на мое место! Ты же у нас давно руководишь краем! Ты же сам принимаешь решения, что нужно строить, а что – нет! Ты возомнил себя умнее Политбюро ЦК КПСС!» Можно было бы дерзко ответить: «Алексей Климентьевич! Вы же черпаете из Немты рыбу ведрами... В Амуре не останется ни кеты, ни калуги!» Но Борис ответил так: «Мне непонятно судилище, которое вы здесь устроили газете – органу Президиума Верховного Совета СССР». Черный оторопел: «Какое судилище?! При чем здесь газета?» Резник продолжил: «Когда эта заметка была в моей чернильнице, это было мое мнение. Когда же она опубликована – это мнение моей газеты. Поэтому, если ко мне нет других вопросов, разрешите удалиться. Я должен

проинформировать редколлегию газеты о происходящем здесь». Прилетела комиссия ЦК КПСС. Резник передал ей досье – доказательную базу опубликованной статьи. Это был стиль его работы – документы. Да, как на следствии. Его ироничная, не для печати, присказка: «Чем больше бумаги, тем чище задница!» Выводы комиссия сделала убийственные: стройку завода азотных удобрений надо закрывать. Закрыли. Многие считали, что Черный и Резник теперь враги до конца жизни. Но я знаю другое. В последние годы жизни Алексея Климентьевича гостем в его обыкновенной московской «трешке» была не партийная и не журналистская братия, а Резник.

После длительного перерыва он организовал поездку Алексея Климентьевича в край, где Черного еще помнили и тепло приняли. Борис помог достойно проводить легендарного секретаря в последний путь. Он же ходатайствовал, чтобы на здании, где долгие годы работал Черный, установили мемориальную доску.

Насчет «своего места» и дерзости. Мы поссорились с Резником за годы знакомства и сотрудничества (а это уже сорок пять лет – неужели?!) всего один раз. Эмоционально я перебрал. Борис одернул меня: «Знай свое место!» Я, конечно, обиделся. Сердиться он долго не умел, и мы быстро помирились. Но над словами старшего друга и наставника я задумался. Часто нас, выходцев дальневосточной журналистики в Москве, он красиво называл капитанами газетной индустрии. Подхвалял и поддерживал. Работая шеф-редактором «Известий», я присматривал за работой корпунктов в стране. Часто говорил дальневосточному собору Резнику: «Становись главным редактором газеты. Многие в коллективе хотят этого. Я смогу работать под твоим началом! Даю тебе честное слово – не услышишь от меня и слова критики». Борис отшучивался: «Знаешь, Санек, кто такой ударник в опере? Так себе – пешка... А в джазе это король!» Известинцы не один раз выдвигали кандидатуру Резника на должность главного редактора. Он всегда брал самоотвод. Он знал свое место. По моим сведениям (в биографии подтверждения не нашел), в молодости Борис работал одно время литературным секретарем

замечательного поэта Михаила Светлова. Резник знал много баек Михаила Аркадьевича, любил его стихи и читал наизусть. Однажды он прочел мне строчки другого поэта – Пастернака. Вот они: «Напрасно в дни великого совета, Где высшей страсти отданы места, Оставлена вакансия поэта: Она опасна, если не пуста». Теперь вакансия пуста. Понимать это тяжело. А была и опасна.

Резник опубликовал в 1995 году статью «Кто там, рядом с президентом». В ней он рассказал о криминальном авторитете Податеве по кличке Пудель. Податев уже появлялся на фотографиях за спиной президента и патриарха... Из ФСБ сообщили, что Пудель Резника «заказал». Почти два месяца Борис прожил под охраной ОМОНа. А ведь были еще и «Семечки» – ряд статей, после которых из тюрем освободили несколько тысяч людей, невинно осужденных. Историей занимался лично генеральный прокурор. Цикл расследований «Мафия и море» – следы мошенников и расхитителей вели в Японию. Тогдашний министр иностранных дел Японии Митио Ватанабэ прилетал в Хабаровск, чтобы встретиться с Резником. Была статья, название которой говорит само за себя: «Кто есть ху? Еще вчера генерал армии Моисеев поддерживал ГКЧП, а сегодня он министр обороны?» В своей репортерской работе (собкор «Комсомолки») я вышел на след банды Протасова. Они организовали подпольный картежный синдикат, похищали, а потом и убивали людей. Углубившись в тему, я понял – без помощи старшего товарища, Бори Резника, мне не обойтись. Борис достал две увесистые папки: «Читай!» Факты, добытые Резником, потрясали. Идеолог и главарь банды, бывший фотограф Протасов, женился на дочке заместителя председателя крайисполкома. На свадьбе в качестве свидетеля присутствовал зампрокурора края. В банду после организации убийства опасного свидетеля вошел... начальник уголовного розыска УВД города! С трибуны закрытого пленума сам Черный сказал: впервые в истории края криминал и власть срослись. Советское время. Еще нет перестройки. Первый секретарь объявил о рождении дальневосточной мафии. Уверен, он был знаком с досье, которое собрал на бандитов Резник.

Борис Львович, повторяюсь, не рыбачил и не охотился. Когда мы, члены неформального журналистского «Пень-клуба», однажды подарили ему велосипед, он все с той же детской радостью, с

какой ловил рыбу на Немте, посмотрел на нас. Дескать, а что мне с ним делать?! У Резника, по жизни, была своя охота. Тихий и интеллигентный человек в очках, он становился жестким и негибким, когда слышал слово «коррупция». Мне многие говорили, что в Госдуме он один такой. Не знаю. Может, легенда. Я не верю в его последний проигрыш на выборах. Не вдаюсь в партийные хитросплетения. Случайный хабаровский таксист, изложив мне по дороге из аэропорта свою тупиковую историю, воскликнул: «Так мне что ж теперь – самому Резнику жаловаться?!» Это случилось как раз тем летом, когда проходили замечательные выборы. Где, считается, Резник проиграл борьбу. Он ее не проиграл. Лишь отошел в сторону. Совсем недавно «Огонек» опубликовал его сенсационные статьи о том, как люди в погонах разворовывают лес в Хабаровском крае. Ах, рыбная речка Немта! Ах, пресс-прогулки с ухой из желтощека и китайского окуня аухи! Резник попросил меня и главного редактора «Огонька» С. Агафонова написать предисловие к его последней книге. Она называлась «Хроника пикирующей страны». Писали по отдельности. Сережа написал лучше. В частности – о работе Резника: «Ничего подобного сегодня на журналистском горизонте больше нет». И абсолютно точно подметил: «Мудрый, битый и тертый Резник удивительно доверчив и часто наивен. Годы не отучили его искать в людях хорошее...»

Он любил жену Лену, тоже человека из нашего цеха, и гордился своими детьми. Сын Андрей – астрофизик и бизнесмен, один из руководителей крупной российской фирмы по нанотехнологиям. Отслужил в свое время на Черноморском флоте старшиной. Дочь Ксения – писатель и переводчица, окончила докторантуру японского университета Цукуба. Еще он любил «мужиковать». Звонил по телефону и объявлял: «Сегодня мужикуем!» Сам накрывал стол. Выпив по рюмке, мы выходили на улицу и нарезали круги вокруг то ли пруда, то ли озера. Неподалеку от депутатского дома. Я вообще не люблю пеших переходов, предпочитая сплавляться по рекам. Резник часами заставлял

выхаживать вокруг пруда. Сторожился прослушек. Много чего он знал и много рассказывал... У него было выражение: «Нельзя терять когтистости лап».

Потом мы садились на лавочку, и он просил: «Прочти... Как там, про костры?» Я читал: «После шумных пиров чисто вымыть полы. Посидеть у окна с папиросой погасшей. И увидеть костры на другом берегу. Там, где молодость наша». Почему-то он любил эти строчки, написанные не мной, а моим дружкой по студенческой вольнице Володей Сополевым. Резник просил у меня сигарету и делал вид, что затягивается... А, может, и правда курил. Что-то он видел, какой-то другой смысл, в этих простых и бесхитростных строках. наших раньше времени ушедших друзей и коллег? Сережу Торбина, Володю Сополева, Толю Друзенко, Игоря Нестеровича Голембиовского, Инну Павловну Руденко, Василия Михайловича Пескова, Андрея Иллеша... Уже всех и не перечесать. Я же почему-то всегда в тот момент вспоминал пологий берег речки Немты. И костерок, у которого мы сидели. Другие берега. Полы чисто вымыты.

Может быть, он знал, что теперь мы туда уже никогда не вернемся?! Где самый чистый снег и самые быстрые реки... И вот теперь, после шумных пиров, я представляю. Резник сейчас сидит на крутом берегу, в тех пределах, где нас пока нет. И где мы еще не бывали. Говорят, что туда не стоит торопиться.

Он развел костерок и дожидается нас, своих друзей. Понятно – пройдет еще и сто, и двести, да что там двести – тысяча лет! Но ведь каждый знает – встретимся точно. Напечем мальмы в фольге, помужукуем... Вспомним, конечно.

И смешное, и грустное. Как наш дружок и земляк, нынче самый известный капитан уже не только газетной, но и интернет-индустрии, бегал в Тынде за дефицитной в те годы водкой, взяв напрокат у бамовских знатных бригадиров и прицепив на лацкан своего пиджака три Звезды Героя Соцтруда. Вернулся с полной авоськой. Как по реке носится «ракета», благодаря тебе, Боря, названная «Сергей Торбин». Стремительный такой, современный

кораблик. Пароход белый-беленький, черный дым за кормой... Я прокатился на нем. Подышал ветром и брызгами. И тот поклонный крест на безымянном Амурском острове, где стоит часовенка, построенная тоже благодаря тебе, не упал под ветрами, не согнулся от яростных циклонов, приходящих весной с Джугджура. Мы-то помним с тобой, как тяжело и трудно было его поднимать. Но ты сказал тогда точно: тяжелее креста, чем вынесешь, Он не дает.

Александр Куприянов

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**